

В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ

(объяснение с читателем и возражения критику)

Опубликованная в последнем за 2010 год номере журнала «Интеллигенция и мир» статья ивановского историка, профессора Польшванного «О кирилло-мефодиевской традиции и ”дегенерации смыслоформ“» (1) последовательно направлена на то, чтобы всесторонне скомпрометировать сами базовые принципы нашей научной школы. При всём немалом усердии в этом морально пагубном направлении (напоминающем по своей стилистике жанровую форму доносов), автор в итоге обнажает свою полнейшую некомпетентность в ряде принципиальных культурологических основоположений, суть которых (во избежание метафизических перегрузок настоящего отклика) нами будет раскрыта в материале «Герменевтика новой науки» в готовящемся к печати сборнике «Рождение культурологии в России».

Оставляя в стороне тот факт, что само руководство редколлегии журнала «Интеллигенция и мир» любезно пригласило нас поделиться *многолетними* концептуально-теоретическими разработками, представляющими отнюдь не «случайную нарезку», как в приступе раздражения выражается наш (по его собственному признанию) несведущий в метафизике критик, но ценностно-практический и объективно значимый задел герменевтических исследований макрокультурного кризиса и антикризисного потенциала русской интеллектуальной и словесной культуры (2), а также оставляя мукам совести автора все его смехотворные по своим результатам прогулки по сайту В. П. Океанского и Булгаковскому сборнику (3), призванные констатировать учёной общественности и её мнимой жандармерии, что де имеются в охаиваемой статье материалы, появившиеся «три года тому назад» (то есть в 2008 году, тогда как «научно-исследовательская работа начата в 2009 г.» – таким образом, наш критик обнаруживает и явную недооценку масштабов подлинной жизни научных идей, измеряемой не годами, а десятилетиями и столетиями!), нам хотелось бы, оставляя это всё в стороне, указать на исходную и неодолимую порочность методологии нашего критика, по его признанию «нередко участвующего в компетентных дискуссиях о кирилло-мефодиевской традиции со специалистами», принципиальную неприложимость этой методологии к тем макрокультурным и протоцивилизационным масштабам дела святых Кирилла и Мефодия, которые нас интересуют.

Оставляя в стороне и явно оскорбительный тон профессора Польшанного, и наше частное отношение к этому факту, равно как и его проректорский псевдодирижизм, обременённый школярскими представлениями о том, какой, якобы, должна быть наука, хотелось бы вполне серьёзно указать на то, что автор-критик совершает ряд грубых ошибок, связанных, прежде всего, с его неосведомлённостью в самой холистической специфике научных исследований культурологического характера, и, к ещё большему сожалению, – в искажении исторической фактологии, причём, в угоду тому, что Шопенгауэр называл «уловками в споре» (4), когда какая-либо аналитически вычленяемая часть истины, твердея, перекрывает всё остальное и выдаётся за истину целиком, а более существенные её грани замалчиваются.

Впрочем, для того чтобы понять десакрализирующую аксиологию возмущённого профессора, стоило бы прикоснуться к другому его материалу, направленному на более широкую дискредитацию культурных первооснов: «Конфессиональные истоки многих особенностей политического поведения в различных культурах, - отмечает наш недоброжелатель, - представляются очевидными. Хотя это обстоятельство нашло определённое отражение в трудах о протестантизме, конфуцианстве, исламе, её исследование на православном материале всё ещё находится в зачаточном состоянии. Рассуждения о «соборности» чаще всего лишены конкретности...» (5). Сам развенчивающий дух, пронизывающий эту прерванную нами фразу, не позволяет заподозрить автора в любви к «восточно-православной традиции», являющейся, согласно его мысли, аксиоматически стержневой и «объединяющей» для «разных эпох и стран – Византии и средневековой Болгарии, Московской Руси, имперской и коммунистической России».

При более благоприятном в моральном отношении раскладе мы могли бы высказать искреннее сожаление о том, что аналитическая методология профессора-историка не позволяет адекватно коммуницировать в интегралистском пространстве культурологии и поспешно пригласить нашего уважаемого критика к научному диалогу – однако же, как тон всей статьи Дмитрия Игоревича Польшанного, так и «нарезка» (возвращаем этот шар в ворота противника!) из прихотливо интерпретированных фактов в угоду априорно поставленной оскорбительной задаче – не дают нам шанса поддаться этой доброжелательной иллюзии, а потому диалогическое общение, очевидно, несколько задерживается... Разумеется, было бы конгруэнтной нелепостью само намерение его исключить совсем.

Наш материал помещён в рубрике «Дискуссия», но это было решением редколлегии, которое, впрочем, оказалось пророческим: мы не ожидали столь заинтересованного внимания, которое привлекла наша работа со стороны профессора Ивановского университета.

Профессора Польшванного, как историка православной славянской культуры, задело наше, по его мнению, «крайне небрежное» обращение с Кирилло-Мефодиевской традицией. Представленные далее возражения показывают, что его негодование вызвано не пренебрежением (как ему хотелось бы представить научной общественности) нами житийными источниками, а иными причинами.

Но сначала – о непростительных фактических ошибках, якобы имеющих место в нашей работе.

«Будущий просветитель славян Константин родился около 827 г. в Фессалониках и не был, как и его брат, македонцем», - указывает профессор Польшванный. Вопрос о происхождении славянских первоучителей остаётся открытым (6), а место рождения доподлинно известно: Солунь, родина братьев, в то время являлась одним из культурных центров Македонии.

«Приехав учиться в Царьград, Константин не мог сидеть за одной партией с уже возведённым на престол малолетним византийским императором Михаилом III хотя бы потому, что был намного старше царственного отрока (и по отсутствию в то время парт)», - продолжает наш суровый оппонент. О том, что «Святой Кирилл получил блестящее образование, с 14-летнего возраста воспитываясь с сыном императора», ибо учителя малолетнего Михаила посчитали необходимым найти достойного соученика императору, который бы усердным учением и добрым нравом служил ему примером, вследствие чего «родственник Константина логофет Феоктист, опекун малолетнего императора Михаила, узнав о его дарованиях, вызвал его ко двору – учиться вместе с царём» (7), - читаем в указанных в примечаниях агиографических источниках. Для нас очень важно подчеркнуть этот период в жизни святого, осенённого встречей с Фотием и Михаилом – первыми лицами духовной и светской власти Византии.

На возражение о том, что «не мог принять не достигший ещё и двадцати лет Константин сан иерея», приведем ещё одну цитату из жития: «По окончании учения святой Константин принял сан иерея и был назначен хранителем патриаршей библиотеки при храме святой Софии» (8).

Называя авторов статьи «православными культурологами», профессор Польшванный указывает на явную, как он считает, фактическую ошибку, не позволительную ни для православного, ни для культуролога: гора Олимп в Малой Азии, куда удалился Константин в монастырь к старшему брату, не

является местом обитания прежних языческих богов. Странно, что профессору истории не известно, что «это же название относилось ещё к шестнадцати горам в Малой Азии, на островах Эгеиды и в южной части Балканского полуострова. Имеются основания думать, что резиденция богов перемещалась от одного Олимпа к другому по мере того, как Балканская Греция начинала играть большую роль в судьбах эллинов. Помимо того, Олимпы как бы пунктиром обозначают путь эллинского этноса из Малой Азии на Балканы» (9). Кроме того, «...вне связи с представлением о конкретном месте, Олимп в античной поэзии – мифическая резиденция верховных греческих богов, ”олимпийцев“, там находится дворец царя богов Зевса и жилища прочих богов; название Олимп отчасти синонимично слову ”небо“» (10).

Для подлинного историка культуры чрезвычайно важным представляется и тот факт, что Гомер назвал Олимп «многовершинным», и «на современной фотографии Олимп производит впечатление нагромождения скал, и, очевидно, такая картина представала и древним наблюдателям». Но само название Олимп «догреческого происхождения и принадлежит ряду гор Греции и Малой Азии». «Возможно, разгадку эпитета "многовершинный" даёт наличие в разных частях Балканского полуострова, в Малой Азии и на острове Лесбосе шестнадцати гор, имеющих название Олимп. Первоначально Олимп (неизвестно какой) занимали змееподобный титан Офион и его супруга океанида Эвринома» (11). Читатель, который воспримет нашу статью непредвзято, найдёт в тексте и культурологически ориентированный герменевтический поворот в осмыслении нами появления Олимпа в судьбе Первоучителей славян (12).

О том, что «Константин уступал в филологической подготовке своему старшему брату», в нашем материале нет ни слова, мы представили одну из версий, согласно которой «Кирилл удалился к брату Мефодию и несколько лет разделял с ним иноческие подвиги в монастыре на Олимпе, где *впервые* стал заниматься изучением славянского языка» (13), о чём также повествует житие.

Итак, автор нелестного отзыва может снять с себя часть вины, которую он так благородно принял, извиняясь перед читателями журнала за статью, полную несуществующих «ошибок и несуразностей».

Далее профессор Поливянный, оговариваясь, что не ставит перед собой цели рецензирования нашей работы, тем не менее, уверяет читателей в том, что А. С. Хомяков «не проявлял интереса к славянским первоучителям» и лишь единственный раз упомянул одного из них в стихотворении «Беззвёздная полночь дышала прохладой». Это – неправда, что совершенно очевидно учёным, хорошо знающим наследие «русского Леонардо». В известном письме Гагарину (14), защищая ключевое слово своей

экклезиологии – соборность, Хомяков обращается к авторитету Кирилла и Мефодия: «Скажем сперва о переводчиках. С самого приступа к делу славянские первоучители возжелали подарить народу, который они призывали ко Христу, перевод Свящ. Писаний. <...> Они-то для передачи греческого слова *Katholikos* и избрали слово *соборный*, так что по этому последнему слову можно судить и о том, как понимали они подлинное выражение. <...> «Не посмею сказать: глубокое ли познание сущности Церкви, почерпнутое из самых источников истины в школах Востока, или ещё высшее вдохновение, ниспосланное Тем, Кто Один есть «Истина и живот», внушило передать в символе слово *katholikos* словом *соборный*; но утверждаю смело, что одно это слово содержит в себе целое исповедание веры» (15).

Очевидно для историка Церкви и то, что в IX веке Рим был ещё православным, как и его епископы – римские папы, а потом, как справедливо отмечает К. Н. Леонтьев, «западные европейцы... изменили истинной Церкви»; приведём эту великолепную стратегическую мысль полностью: «...Хотя Православие для меня самого есть Вечная Истина, но всё-таки в земном смысле оно и в России может иссякнуть. *Истинная* Церковь будет и там, где останутся *три человека*. Церковь Вечна, но *Россия* не вечна и, лишившись Православия, она погибнет. Не сила России нужна Церкви, сила Церкви необходима России; Церковь истинная, *духовная* – везде. Она может переселиться в Китай; и западные европейцы были до IX и XI века православными, а потом изменили истинной Церкви!..» (16). Видеть же в Кирилло-Мефодиевской причастности Риму что-то большее общеправославного миссионерского дела – значит заниматься не реальной историей, а известной политикой...

Профессор Польшванский посчитал своим профессиональным долгом указать и на неточность, которую якобы допустил сам Хомяков, несмотря на свою «огромную начитанность». Поэт-де назвал Кирилла епископом, но мало ли что приснится поэту, миролюбиво заключает строгий критик. Позволим себе процитировать строки из стихотворения, чтобы каждому стало ясно, что ошибается не Хомяков, а его младший оппонент.

*И в старой одежде святого Кирилла
Епископ на Петчин всходил,
И следом валила народная сила,
И воздух был полон куреньем кадил.*

*И клир, воспевая небесную славу,
Звал милость Господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синий Дунай. (17)*

Где здесь указание на епископство Кирилла? Непредвзятый читатель увидит в этих строках не искажение исторического факта и не сновидную фантазию, а метафору, смысл которой – идея кровного и духовного братства, общего дела и судьбы. Территория, охваченная взором поэта – древние земли, на которых Первоучители совершали просветительские подвиги. В стихотворении центральной темой и является идея братства, единения славянских народов, а основой этого братства может стать единство «веры, без которого нет полного единства в народах» (18).

Интересно, что в Иконописном подлиннике, дающем наставления для изображения святых, под 11 мая сказано: «Преподобных отец наших Мефодия и Константина, нареченного Кирилла, *епископов Моравских, учителей Словенских*. Мефодий — подобием стар, власы седы, брада долга аки Власиева, ризы святительские и омофор, в руках Евангелие. Константин — ризы преподобнические и в схиме, в руках книга, а в ней написана русская азбука А, Б, В, Г, Д и прочие слова (буквы) все по ряду...». Конечно, с точки зрения исторических фактов можно констатировать фактическую ошибку составителей наставлений, но разумнее признать их правоту как символическое выражение того, что были братья «парой в одной упряжке и пахали одну борозду» (19).

Отметим и то, что сам факт сновидности в культурологическом отношении отнюдь не является аксиоматическим свидетельством неистинности и несущественности, как это, очевидно, представляется историку, вставшему на беду в артистически облегчённую позу полной осведомлённости в истинном положении дел. Это тем более становится очевидно, когда мы вспомним о том просветляющем значении сна в поэтической вселенной Хомякова:

***Весь мир лежит в торжественном покое
Увитый сном и дивной тишиной
И хоры звёзд, как празднество ночное
Свои пути свершают над землёй*** (20)

В качестве аргументов, демонстрирующих равнодушие Хомякова к наследию Кирилла и Мефодия, профессор Полывянный выдвигает и такие: «церковнославянский язык Хомяков считал ‘болгаро-славянским’, ‘полумёртвым’ и пагубным для ‘брахманов Запада’ – славян». Первый тезис вызывает недоумение: в чём же противоречие, где почва для аргумента, как здесь проявлено безразличие Хомякова к делу святых братьев? Разве не известно, что в основу старославянского языка положен южно-македонский диалект древнеболгарского языка? (21) Эпитет «полумёртвый» по отношению к языку, как следует из контекста, воспринимается нашим критиком как «невысказанный», но для Хомякова это слово имеет совершенно иной смысл, что становится ясно, если не вырывать слова из контекста в угоду собственным интерпретациям. Вот полная цитата из «Семирамиды»: «Своевольно придуманные корни, выведенные неверною

догадкой из слов, искажившихся в народном наречии, *обращались позднейшими писателями в слова истинные и законные, как и следовало в языке полумёртвом, т. е. живущем только для учёных и духовных, как наш Церковно-славянский язык в княжестве Московском и на Руси вообще*» (22). Неужели возможно искренне думать, что Хомяков с его учением о Церкви мог считать Её язык нежизнеспособным? Кроме того, Алексей Степанович *нигде не говорит о пагубности церковнославянского языка для славян как брахманов Запада* – это лишь интерпретация профессора Польшванного.

Мы говорим о Хомякове как продолжателе Кирилло-Мефодиевской традиции, выдвигая идею о том, что его искания были направлены на осмысление метафизических оснований Запада и его культуры, понятой в качестве сбывшейся грёзы о Единстве. Вот почему часть статьи, посвящённая Хомякову, не является обрывком в «случайной нарезке», как позволяет себе назвать нашу работу Д. И. Польшванный. Сожалеем, что наш оппонент не захотел это увидеть, хотя сам пишет о Кирилле и Мефодии как искренних сторонниках христианского единства Европы.

Обвиняя нас в легкой замене «Хомяковско-Булгаковских начинаний на Кирилло-Мефодиевские», уважаемый профессор демонстрирует предвзятость и избирательность в оценках: мы чётко и ясно пишем о причине нашего проименования. Это присущие тому и другому культурному вектору церковная аксиология, персонологический базис, метафизическая надмирность, искание Небесного Града (23). И именно размышления о судьбе и перспективах возрождения наследия Хомякова помогают связать воедино духовные нити отечественной интеллектуальной культуры – от метафизических оснований русской словесности, заложенных Кириллом и Мефодием – до Хомякова и Булгакова, а это – существенный научный результат, который позволяет поставить проблему осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории и выявить антикризисный потенциал православной традиции. В первой же строчке статьи мы говорим о нашем понимании культурно-исторической завязки Кирилло-Мефодиевской традиции (24), а далее проясняем, какое значение вкладываем в словосочетание «Кирилло-Мефодиевская цивилизация» (25). Поэтому уверенно констатировать отсутствие признаков научной статьи в нашей работе, тем более, называть её несуразной и невнятной, как это делает наш оппонент, мягко говоря, некорректно.

Однако, критикуя наши положения, профессор Польшванный вынужден раскрывать собственные метафизические основания, опираясь на которые, он пишет об изначальной обречённости Кирилло-Мефодиевской традиции и духовном продолжении её как «последнем парадоксе», что однозначно объясняет причины столь резкой критики в наш адрес.

И последнее... Профессор Польшванный признаётся в том, что не считает себя, как мы уже отметили, сведущим ни в «метафизической отечественности бытия», ни в «философском имяславии», «ни в дегенерации смыслоформ», то есть подбирает цитаты в явном желании показать их «ненаучность» и «несуразность», обнажая известный риторический приём.

Читатель, пожелавший непредвзято вникнуть в суть разногласий, увидит, что «метафизическая отечественность бытия» – это онтологическая приоритетность прошлого и возможность оправдания самой истории, что является основой жизнеспособности любой традиции, в свете чего возрождение последней не будет казаться парадоксом, а послужит надёжным ориентиром для будущего; философское имяславие не может быть рядоположено дегенерации смыслоформ, поскольку возвращает вещам их имена и остаётся прочным фундаментом для приобщения к опыту разумного (софийного) мироустройства; а сами рассуждения о софийности в эпоху глобального культурного и антропологического кризиса не могут быть «общими», ибо несут мощнейший сотериологический и домостроительный заряд.

В заключение приведём ещё один отрывок из письма Хомякова Гагарину, ярко свидетельствующий о том значении, которое придавал Алексей Степанович образу Первоучителей славян: «Вот, м. г., каким образом невежество отца Гагарина, так сказать, натолкнуло его на острие Кириллова и Мефодиева свидетельства. Конечно, он не подозревал ни опасности, которой сам себя подвергал, ни того орудия, которое сам же давал в руки против своей партии. Рим осуждается свидетельством тех, которых он выдает за своих миссионеров. Вместо того, чтобы обламывать свои бессильные зубы о каменную твердыню Церкви, лучше бы поступил о. иезуит, если бы принялся за изучение истины, которой он изменил по невежеству. По летам своим он ещё не устарел для учения, а тем более для покаяния» (26).

P. S. В любой критике, даже если она выходит за рамки принятых в научном сообществе приличий, есть положительный момент. Сожалея о том, что уважаемый профессор, занимающий ключевой пост в региональном университете, позволяет себе использовать уловки в споре и оскорбительный тон, и, пользуясь тем, что свой отзыв он завершил словом «неоконченное», мы приглашаем Д. И. Польшанного впредь участвовать в дискуссиях на близкие нам темы, и хоть в споре истина и не рождается, зато каждый покажет, ради чего живёт и за что готов умирать.

«...есть вещи, которые *уступать нельзя*» (27).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Польшанный Д. И. О кирилло-мефодиевской традиции и «дегенерации смыслоформ» // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2010. № 4. С. 144 – 151.
2. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-

- гуманитарных наук. 2010. № 3. С. 135 – 144; см. также другие наши материалы: Океанский В. П. Глобальный культурный кризис: Ключевые слова) // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2006. № 3. С. 14 – 45; Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Антикризисный потенциал русской религиозно-философской мысли XIX – XX веков // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 6. С. 15 – 20.
3. Мир и язык в наследии отца Сергия Булгакова: Сборник материалов научно-практической конференции 6 – 7 октября 2007 года / Сост. В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская. Шуя, 2008.
 4. Шопенгауэр А. Эристическая диалектика, или Искусство побеждать в спорах // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6: Из рукописного наследия. М.: «ТЕРРА – Книжный клуб»; «Республика», 2001.
 5. Польшванский Д. И. Царь и инакомыслящий (архетипы политического поведения и византийско-славянские отношения) // Власть и гражданское общество: Ежегодник. Вып. I. Архангельск; Иваново: «ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ», 2010. С. 6.
 6. «При имеющемся состоянии источников вопрос об этническом происхождении Константина и Мефодия определенно решен быть не может», - читаем в комментариях к Житию Константина. См.: Флоря Б. Н. Сказания о начале славянской письменности. СПб.: «Алетейя», 2000.
 7. Жития святых, чтимых православною церковью. Составлены святителем Филаретом, архиепископом Черниговским. Апрель, С. 59. (Первое изд-е – 1885 г.; репр. изд-е Сретенского монастыря – 2000 г.).
 8. Там же.
 9. См.: <http://greekroman.ru/olimpians.htm>
 10. Словарь античности / Пер. с нем. М.: «Прогресс», 1989. С. 393.
 11. См.: <http://greekroman.ru/olimp.htm>
 12. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2010. № 3. С. 136.
 13. См.: http://days.pravoslavie.ru/Life/life_6671.htm
 14. Хомяков А. С. Письмо к редактору «L'Union chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный». По поводу речи отца Гагарина, иезуита // Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Т. 2: Работы по богословию. М. 1994. С. 238 – 243.
 15. Там же. С. 241 – 242.
 16. Леонтьев К. Н. Моя исповедь (декабрь 1878) – Гос. лит. музей, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 3.
 17. Хомяков А. С. Беззвёздная полночь дышала прохладой... // Хомяков А. С. Стихотворения. М.: «Прогресс – Плеяда», 2005. С. 204.

18. «Сила в нас будет, только бы не забывалось братство», – написал А. С. Хомяков в альбом Ганке 19 июня 1847 года в Праге. См.: Хомяков А.С. Стихотворения. М.: «Прогресс – Плеяда», 2005. С. 202.
19. Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 97.
20. Хомяков А. С. Видение // Хомяков А. С. Стихотворения. М.: «Прогресс – Плеяда», 2005. С. 188.
21. Русский язык: Энциклопедия. М.: «Советская энциклопедия», 1979. С. 331.
22. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: В 8 т. М., 1900 – 1906. Т. 4. С. 419.
23. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Антикризисный потенциал православной традиции: к проблеме осмысления метафизических оснований отечественной интеллигенции в истории // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2010. № 3. С. 143 – 144.
24. Там же. С. 135.
25. Там же. С. 143.
26. Хомяков А. С. Письмо к редактору «L'Union chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный». По поводу речи отца Гагарина, иезуита // Хомяков А. С.: Сочинения в двух томах. Том 2. Работы по богословию. М. 1994. С. 243.
27. Леонтьев К. Н. О Всемирной любви // Леонтьев К. Н. Цветущая сложность: Избранные статьи. М.: «Молодая гвардия», 1992. С. 136.